

«УКРУПНЕНИЕ БССР» В 1923–1924 ГОДЫ: ФАКТОР СОВЕТСКОГО ВЛИЯНИЯ В ПОЛЬШЕ

© 2018 г. Д. Короткова

*Канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН
E-mail: d_korotkova@mail.ru*

Работа выполнена при поддержке РФФИ, договор № 18-09-00465/18

Статья посвящена советско-польских отношений на увеличение территории Советской Белоруссии в 1923–1924 гг. Основана на архивных материалах.

The article is dedicated to the influence of the USSR policy towards Poland on the territorial growth of the Soviet Byelorussia in 1923 and 1924 and based on the archival sources.

Ключевые слова: укрупнение БССР, НКВД, А. Луцкевич, А.Г. Червяков, Польбюро.

Keywords: enlargement of Byelorussian SSR, People's Commissariat of Foreign Affairs, Anton Luckievich, Aleksandr Chervyakov, Polbyuro (Polish Bureau).

DOI: 10.31857/S0869544X0000850-8

30 декабря 1922 г. представители РСФСР, БССР, УССР и Закавказской федерации подписали декларацию об образовании СССР и Союзный договор. На протяжении последующих нескольких лет происходил процесс национально-государственного размежевания как внутри союзных республик, так и между ними. Официально это объяснялось интересами народов в объединении в рамках собственной национально-территориальной единицы, а также экономическими факторами. На западной же границе, в частности, на белорусских землях, значительную роль всегда играл фактор международных отношений. На материалах Архива внешней политики РФ постараемся проследить оставшуюся за кадром предысторию изменения территориального состава Советской Белоруссии в 1923–1924 гг., известного в исторической литературе как «укрупнение БССР», а именно, рассмотрим, как повлияла на события позиция НКВД, и как территориальные изменения в советской республике были связаны с ситуацией в Польше.

Согласно Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г. между Советской Россией и Польской республикой был достигнут территориальный компромисс. Белорусские земли, на которые претендовали обе сто-

роны, были разделены. Западная часть, а именно Гродненская и часть Виленской губернии, была передана Польше. Сам г. Вильно был передан Литве согласно Московскому договору 12 июля 1920 г., но уже в ноябре 1920 г. захвачен польскими войсками, и на его территории была образована формально независимая Срединная Литва, позже присоединенная к Польше. Шаг этот был со стороны советского руководства вынужденным, однако от этого ощущение несправедливости такого раздела по отношению к белорусам не уменьшалось.

Территориальный состав образованной на оставшейся под советским контролем части края БССР также вызывал массу вопросов как у ее жителей, так и белорусского меньшинства в Польше. Витебская, Могилевская (позже Гомельская) и Смоленская губернии еще в начале польско-советской войны, практически сразу после провозглашения Белорусской Советской республики 1 января 1919 г., «по стратегическим соображениям» были включены в состав РСФСР. Ленин объяснял этот шаг тем, что эти губернии «не являются пограничными» [1. С. 67], и потому могут быть исключены из торга с Польшей как великорусские земли. Весь период войны с Польшей белорусские территории оставались разменной картой в дипломатической игре советской, польской и литовской сторон и переходили из рук в руки в зависимости от изменения обстановки на фронтах и внешнеполитических обстоятельств.

Повторное провозглашение БССР в июле 1920 г., когда Красная армия заняла Минск в ходе наступления на Польшу, не сделало Белоруссию полноправным субъектом международных отношений. Во время Рижской мирной конференции руководство БССР вынуждено было передать мандат на ведение переговоров от его имени российской делегации, согласиться на раздел белорусских территорий, избежать которого не было возможности. После Рижского мира, таким образом, территория БССР составила всего шесть уездов бывшей Минской губернии [2. С. 245–256].

Польские политики в ходе Рижской конференции выработали более-менее общее отношение к непольским территориям. Получив примерно половину территории Белоруссии, польские власти в отношении населения взяли курс на полонизацию и ущемление прав белорусов в пользу польских переселенцев и местных поляков — крупных землевладельцев и представителей администрации. В ответ белорусские политики вместе с представителями других национальных меньшинств в Польше (украинским, еврейским, немецким) активно включились в парламентскую борьбу за право на автономию и против наступления поляков на экономические, политические и культурные интересы меньшинств. В частности, Белорусский сеймовый клуб боролся против «осадничества» — передачи земель беженцев польским колонистам — «осадникам», в основном из числа бывших легионеров; за автономию западнобелорусских территорий, развитие белорусских школ и в целом белорусскоязычной культуры, против политики ассимиляции белорусов. Кроме того, существовали и нелегальные группировки, руководимые из Литвы эмигрантским правительством Белорусской народной республики (БНР) во главе с В. Ластовским, в основном на территории Виленского края, имевшие целью отторжение его от Польши [3. Л. 11. Секретная докладная записка С.А. Раевского

председателю ГПУ И.С. Уншлихту (копия члену Коллегии НКВД Я. Ганецкому) от 8 мая 1923 г.].

Советская дипломатия все это время внимательно следила за деятельностью Белорусского сеймового клуба и поддерживала его, в том числе и материально, исподволь стараясь вывести его деятельность на рельсы коммунистической программы. Еще во время предвыборной кампании председателем РСФСР удалось связаться с некоторыми из наиболее радикальных белорусских деятелей и вступить с ними в тесный контакт, а потом через них и с левыми депутатами — членами Белорусского клуба. Благодаря последним коммунисты смогли получить влияние и в местных белорусских общественных организациях в Вильно и других городах. Деятельность В. Ластовского и его сторонников воспринималась настороженно, и коммунистическая агитация противопоставлялась националистической пропаганде его сторонников [З. Л. 12].

В мае 1923 г. сотрудник советского полпредства в Варшаве, описывая обстоятельства сотрудничества с белорусскими депутатами, сообщил, что «почти половина всего числа депутатов Белорусского клуба находится в непосредственном контакте с нами и действует в Сейме согласно с нашими указаниями». На средства, отпускаемые советским представительством, издавалась «белорусская газета, орган белорусского национального комитета». Она вела пропаганду советской власти, «поскольку это возможно при условии польской цензуры». По оценке дипломата, «газета распространяется довольно широко и имеет большое влияние на широкие массы белорусского населения». Из-за цензурных ограничений название газеты часто менялось: «первоначальное название газеты “Наша будущина” изменилось в настоящее время в “Белорусское жыцця”». Кроме того, депутаты вели активную агитацию «путем выступления их на народных собраниях, часто устраиваемых ими в различных пунктах» [З. Л. 13].

Общей задачей советских дипломатов в отношении белорусской оппозиции в Польше было превращение ее из националистической в коммунистическую, в орудие советской внешней политики. Ряд белорусских политиков-эмигрантов сами готовы были сотрудничать с СССР. Советская же сторона, в свою очередь, ставила условием такого сотрудничества признание ими БССР действительно белорусским государством, полностью выражающим интересы белорусского народа.

В январе 1923 г. состоялась встреча членов советского посольства с представителями Белорусского национального комитета в Вильно во главе с А. Луцкевичем. Белорусы передали меморандум, в котором перечислялись пожелания, исполнение которых было, по их мнению, необходимо для экономического и культурно-национального развития БССР и могло привлечь симпатии сомневающихся к Советскому Союзу [З. Л. 14]. Для этого, как писали авторы меморандума, необходимо было, в первую очередь, расширить территорию Советской Белоруссии до полного включения в нее всех земель, населенных белорусами, т.е. частей Смоленской, Витебской и Гомельской губерний, в 1919 г. отошедших к РСФСР, с пропорциональным увеличением представительства от Белоруссии во ВЦИК, объявить амнистию белорусским общественным деятелям, в свое время бывшими сторонниками самостоятельной

БНР, уравнивать в правах на территории Белоруссии белорусского языка с русским, и расширить сеть белорусских национальных школ [3. Л. 14]. По мнению известного историка-слависта К.В. Шевченко, этот меморандум сыграл значительную роль в принятии Москвой решения об укрупнении БССР [4. С. 334]. Действительно, анализ документов показывает, что именно предложения Луцкевича стали основой дальнейших действий НКВД в белорусском вопросе.

Учитывая вышеизложенные обстоятельства, становится понятно, почему, когда руководство БССР после подписания 30 декабря 1922 г. договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик сочло возможным официально поднять вопрос о пересмотре границ Белоруссии с РСФСР и УССР, НКВД оказал ему поддержку.

Первым поводом к этому послужило обращение министра иностранных дел Польши к Совету послов Антанты с требованием наконец официально признать восточную границу Польши, установленную Рижским договором. Это вызвало публичный протест Белорусского сеймового клуба, который 13 февраля 1923 г. заявил, что: «1. Рижский Договор 18-го марта 1921 г. был заключен без участия и санкции всего белорусского народа.

2. Вопрос о Виленской области, где поляки по отношению к белорусам, литовцам и евреям составляют меньшинство, был разрешен только поляками, ибо белорусы, литовцы, евреи не принимали участия в выборах в Виленский сейм 8-го января 1922 года.

3. Восточная граница Польши, основанная на Рижском договоре, носит временный характер и может быть окончательно установлена в согласии с международным правом и с согласия всего белорусского народа» [3. Л. 3]. Советской пропаганде представилась возможность в очередной раз противопоставить советскую дружбу народов польскому империализму.

В начале марта 1923 г. Л.Л. Оболенский, советник полномочного представительства СССР в Варшаве, подал секретный доклад в Польшбюро ЦК РКП(б) под названием «Записка по вопросу о Белоруссии». Он предлагал ряд мер для того, чтобы «Польша не стала для всего белорусского народа своего рода Пиемонтом (так в тексте. — Д.К.), хотя бы только иллюзорным, чтобы польские помещики не отыгрались на этом в своем стремлении вернуть утраченные земли Восточной Белоруссии, чтобы Советская Белоруссия стала подлинным политическим и культурным центром для всего белорусского народа» [3. Л. 6]. Повторив положения январского меморандума А. Луцкевича, Оболенский добавил предложение создать единый культурный фронт для белорусов как в СССР, так и за его пределами и адекватно его финансировать.

По мнению Оболенского, исполнение указанных «желаний белорусов» «окончательно повлияет на них и даст гарантию, что они по отношению к нам будут вполне лояльны и послужат хорошим фактором в нашей польской политике» [3. Л. 7]. Оболенский обратил внимание партийного руководства на то, что эти меры (в случае, если будет признана их целесообразность) необходимо будет осуществить быстро, так как «польские власти вполне учитывают опасность враждебно настроенных против себя бе-

лорусов и принимают все меры, чтобы путем обещаний и некоторых уступок связать их с собой и повернуть их политическую ориентацию в сторону Польши» [3. Л. 7].

Рассмотрев эти предложения, 7 марта 1923 г. С.Л. Гельтман, секретарь Польшбюро ЦК РКП(б), сообщал в НКВД: «Мы считаем целесообразным удовлетворить следующие желания белорусов: 1) Амнистию с условием персонального разрешения на приезд в Сов. Белоруссию, ибо огульная реэмиграция националистических элементов является для нас нежелательной (выделено в тексте. — Д.К.).

2) Допускать не только в теории, но и на практике белорусские школы за пределами Сов. Белоруссии (в Витебской и Гомельской губ.), где живут компактные массы белорусов. (В Сов. Белоруссии белорусский язык фактически пользуется полнотой прав в области народного образования).

3) Расширить границы и увеличить состав представительства во ВЦИК'е С.С.С.Р.» [3. Л. 5].

Объяснялось это решение тем, что «поддержка революционного брожения среди нацменьшинств Польши, в частности же углубление сеймовой оппозиции белорусов в программном и тактическом отношениях, как фактора ослабления польского правительства, лежит в интересах нашей Республики.

Поэтому следовало бы с помощью некоторых уступок сохранить за нашим Представительством влияние на Белорусский клуб в сейме и за его пределами» [3. Л. 5].

Руководство БССР, в свою очередь, подняло вопрос о пересмотре границ республики. В выступлении на VII съезде Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии (КП(б)Б) 20–26 марта 1923 г. А.Г. Червяков, председатель СНК БССР, заявил, что Витебская и Гомельская губернии являются «безусловно однородными» с БССР и выразил уверенность в том, что они будут объединены с ней в ближайшем будущем [5. С. 476]. XII партийная конференция КП(б)Б, состоявшаяся 15 апреля 1923 г., вынесла постановление о необходимости безотлагательного разрешения вопроса о территории Белорусской республики, а именно включении в ее состав также Витебской, Гомельской и части Смоленской губернии. ЦБ КП(б)Б обосновывало свое мнение как этническим составом губерний, так и политической необходимостью, так как «при нынешнем положении вещей, когда Советская Белоруссия существует в пределах 6 уездов б. Минской губернии, создается двойственность ненужная, непонятная и вредная. Подрастающая молодежь изучает в школах, что существует три Белоруссии — одна оккупированная Польшей, другая — Советская Белоруссия, которая своим существованием ставит под подозрение политику партии по национальному вопросу, и третья — присоединенная по непонятным причинам к России.

Дальнейшая отсрочка разрешения этого вопроса (о Белоруссии), вредна, компрометирует партию, власть, белорусских и советских работников, развивает шовинизм, создает почву, благоприятную для политических авантюр, порождает Балаховичей, Ластовских и им подобных “правителей” Белоруссии» [3. Л. 37–38]. Эти постановления были предварительно согласованы с ЦК РКП(б) [3. С. 160].

Выводы о необходимости расширения территории БССР и амнистии белорусских политических деятелей представил также сотрудник советского полпредства в Варшаве (предположительно С.А. Раевский) в секретной записке «Об использовании белорусского населения в Польше», направленной 8 мая 1923 г. заместителю председателя ГПУ И.С. Уншлихту и члену Коллегии НКВД Я.С. Ганецкому. Он писал, что «гнет со стороны поляков толкает белорусов в ряды повстанческих организаций Ластовского, так как нет других боевых организаций, но стремления, желания этих масс совершенно другие. Раньше всего белорусы желают объединения всех белорусских земель, и они отлично сознают, что объединение возможно лишь при условии сохранения Советской Белоруссии. Более того, большинство белорусов, как бы ни относились отдельные лица к советской власти, считает желательным сохранение советской Белорусской республики и именно в ней видит основное ядро будущей объединенной Белоруссии» [3. Л. 12]. Для упрочения советского влияния на западнобелорусских территориях автор считал нужным развеять сомнения в искренности Советской России по отношению к белорусам у местных лидеров, выполнив ряд положений январского меморандума виленского БНК (упоминавшийся выше меморандум авторства А. Луцкевича. — *Д.К.*), касающиеся амнистии и разрешения на въезд белорусским политикам, в 1919—1921 гг. боровшихся за образование независимой Белорусской республики, но не связанных с группировкой С. Булак-Балаховича, и увеличением территории БССР [3. Л. 15]. Исполнение этих пунктов, по мнению автора записки, «помогло бы [...] привлечь на свою сторону все белорусское население и усилило бы его враждебное отношение к Польше. Никакие выступления всяких Балаховичей, Ладновых и др. белорусов, существующих на средства польской дефензивы, не могли бы противодействовать работе наших сторонников. Все крестьянство было бы за нами. При той связи, которая установилась через депутатов в Сейме между белорусами и украинцами, и благодаря нашей прессе (белорусской и украинской) это сочувствие нашло бы живой отклик и в украинском населении Польши. Нам сочувствующей оказалась бы вся масса населения «крессов» (так в тексте. — *Д.К.*), т.е. восточных окраин, а вряд ли нужно доказывать, как важно для нас иметь на своей стороне симпатии населения тех областей Польши, которые не населены поляками и которые могут оказаться тереном (так в тексте. — *Д.К.*) военных действий в случае войны между нами и Польшей» [3. Л. 16].

Сомнения в долговечности мирных отношений с поляками высказывал и член Коллегии НКВД Я.С. Ганецкий. Он писал 29 мая 1923 г. И.В. Сталину (Г.В. Чичерину в копии): «Несмотря на то, что в последнее время намечена нами по отношению к Польше новая линия поведения, Н.К.И.Д., однако, считает очень важным использовать в интересах нашей внешней политики все те одиозные и оппозиционно настроенные элементы, которые способствуют разложению польского государства». К таким элементам он относил, между прочим, и белорусов, даже самых умеренных из которых крайне недалёковидная политика польских господствующих классов толкала в ряды открытой оппозиции. Но «для того,

чтобы было более успешно и с большим результатом вести в Польше работы среди белорусов необходим ряд мер, которые могли бы решительно и быстро повлиять на настроение, как белорусской народной интеллигенции, так и широких крестьянских масс и повернуть окончательно их ориентацию в сторону Советских Республик. Мы снеслись по этому поводу с тов. Оболенским и Поль-Бюро при Ц.К.Р.К.П» [3. Л. 17]. Далее излагались вышеупомянутые предложения Л.Л. Оболенского. Польбюро поддерживало только три из них — амнистию белорусских деятелей, но, правда, с условием персонального разрешения на въезд, «ибо огульная реэмиграция националистических элементов является нежелательной», и допущение «не только в теории, но и на практике» белорусских школ в Витебской и Гомельской губерниях, где компактно проживали белорусы [3. Л. 18], а также увеличение представительства БССР во ВЦИК. НКВД, со своей стороны, предлагал «принять единственно пункты, касающиеся амнистии и школ» [3. Л. 19]. Расширять территорию БССР там считали преждевременным.

В мае-июне 1923 г. решался вопрос об амнистии и разрешении на въезд для белорусских эмигрантов. 31 мая 1923 г. Уншлихт сообщил И.В. Сталину и Я.С. Ганецкому, что по поводу этих вопросов ГПУ согласилось с мнением Польбюро, что следовало «амнистию распространять не на всю белорусскую эмиграцию в целом, а с подразделением ее на соответствующие категории — разрешая вопрос о применении амнистии каждой из этих категорий особым порядком», т.е. персонально; а также решать вопрос о допущении амнистированных лиц к культурной работе только после рассмотрения каждой кандидатуры ГПУ [3. Л. 20].

5 июня 1923 г. состоялось заседание Комиссии по работе среди белорусов в Польше, в составе Я.Э. Рудзутака, Г.В. Чичерина и И.С. Уншлихта. Постановление по итогам заседания гласило: «1. А) Признать возможным амнистию для белорусских деятелей, объявленных вне закона за причастность к белорусскому национальному движению.

Б) Амнистию распространить не на всю белорусскую эмиграцию в целом, а с подразделением ее на соответствующие категории.

Амнистия безусловно не распространяется на участников банды Балаховича и белорусов, арестованных за принадлежность не относящихся к белорусскому национальному движению антисоветским партиям (СР, меньшевиков и т.п.). [...]

Г) отменить всякие препятствия к открытию белорусских школ (с применением белорусского языка) как в пределах Советской Белоруссии, так и за пределами ее, где живут компактные массы белорусов».

По поводу же увеличения территории БССР в решении касался только осторожный последний пункт: «Е) запросить Наркомнац о национальном составе населения (в % отношении) пограничных районов, прилегающим к Белоруссии» [3. Л. 21].

С 9 по 12 июня 1923 г. в Москве проходило совещание по национальным вопросам, на котором присутствовали делегаты от всех национальных компартий СССР. Выступавший на нем ответственный секретарь ЦБ КП(б)Б В.А. Богуцкий вновь подчеркнул, что окончательное решение

белорусского вопроса невозможно, пока БССР включает в себя лишь незначительную часть белорусских земель [5. С. 476]. Одновременно ЦБ КП(б)Б передало в ЦК РКП(б) докладную записку¹ с материалами об укрупнении БССР [3. Л. 22], которую затем, 18 июня 1923 г., по поручению А.Г. Червякова и в ответ на просьбу Г.В. Чичерина препроводило в Секретариат НКВД. Авторы подчеркивали значение внешнеполитического фактора в решении об образовании БССР в 1920 г.: «В период создания Советской Белоруссии превалирующую роль играли моменты международной политики — необходимо было в противовес империалистическим стремлениям Польши и желаниям белорусского кулачества организовать буржуазную Белорусскую Республику под защитой Польши противопоставить Рабоче-Крестьянскую Белоруссию.

Нужен был новый фактор международной политики во взаимоотношениях между Советской федерацией и буржуазной Польшей.

В тот момент вопрос о границах на востоке и не мог ставиться, ибо все устремление было на запад, в особенности, если принять во внимание, что решение об организации Советской Белоруссии произошло в момент, когда вся нынешняя Белорусская Республика находилась под властью поляков и когда вопрос о том, удастся ли освободить Белоруссию от поляков, находился под значительным сомнением» [3. Л. 22]. Теперь же, в 1923 г., «отчасти соображения международного характера, а еще больше необходимость точного и полного выполнения решений последнего партийного съезда, что должно выразиться в возможно полном обхвате белорусского крестьянства в район одного государства, для наиболее полного удовлетворения его национально-культурных и частично экономических нужд требуют ясной постановки вопроса о территории Белорусской Республики и о взаимоотношениях Белоруссии со смежными районами, большинство населения которых белорусское» [3. Л. 23]. Но вся положительная работа Советского государства в области культуры и экономики «парализуется тем положением, в котором Белоруссия находится, когда только незначительная часть белорусского населения, находящегося на советской территории, входит в Белорусскую Республику» [3. Л. 23].

Авторы докладной записки привели следующую статистику в отношении национального состава населения: «в нынешней Белорусской Республике — белорусов — 80%, евреев — 15%, поляков 3%. В Витебской губернии — белорусов 65—68%, великорусов и украинцев — 10—12%, евреев — 12—14%, поляков — 3—4%, латышей, литовцев — 8—10% [3. Л. 24]. В Гомельской губернии — белорусов — 80%, великорусов и украинцев — 4%, евреев 12—14%, поляков — 1%. В Смоленской губернии — белорусов — 40%» [3. Л. 25].

Поэтому они делали вывод, что «не подлежит никакому сомнению, что и Витебская и Гомельская губернии и прилегающие к ним районы Смоленской губернии являются чисто белорусскими по своему составу и логически должны составлять часть Советской Белоруссии» [3. Л. 25]. Лидеры белорусских коммунистов добивались увеличения территории республики, апеллируя не только к экономическому и культурному единству региона, но и к влиянию ситуации в БССР на настроения меньшинств в

¹Авторы: Богущкий, Червяков, Игнатовский, Нодель.

Польше: на польской стороне границы осталась значительная часть Белоруссии, где «все время на национальной почве идет очень сильная борьба, принимающая все более революционную окраску, идет не только борьба против поляков, но в этой борьбе все больше начинают ориентироваться на советскую часть Белоруссии», и «все, что делается в Белоруссии в области культурного строительства, немедленно соответствующим образом оценивается за кордоном» [3. Л. 23].

Кроме того, обеспокоенность белорусских руководителей вызывало и политическое положение Витебской и Гомельской губернии. Его «ни в какой мере нельзя считать нормальным потому, что вопрос национальный там даже и не поставлен, от него стараются всеми мерами отмахнуться. Достаточно сослаться на то, что в Витебском наробразе нет даже белорусской секции, в Гомельской же она была создана только после длительных переговоров, а в Смоленской — открытая с большими трудностями — закрыта с 1-го мая 1923 г. [...] Еще до последнего времени, а отчасти и сейчас, в Витебской и Гомельской губерниях не допускают организации белорусских школ, несмотря на преобладающее большинство белорусского населения в деревне. На этой почве растет глухое недовольство и создается почва для всяких демагогических и часто справедливых обвинений в великорусском шовинизме, национализме и пр.» [3. Л. 25].

Кроме того, белорусские коммунисты видели в таком положении почву «для националистической агитации и мелкобуржуазных националистических движений» [3. Л. 25]. Предупреждая аргумент о том, что руководство Витебской и Гомельской губерний настроено резко против передачи этих территорий БССР, они писали, что «часто против присоединения Витебской, Гомельской и части Смоленской губ. выдвигают такое соображение: местные партийные или советские работники не хотят объединения, или, как иногда выражаются, боятся национализма Белоруссии. При такой постановке вопроса надо постоянно помнить, что во всех этих губерниях во главе и советского и партийного аппарата стоят товарищи из центральной России, а не из местных уроженцев, а потому их настроения ни в какой мере не могут и не отражают настроений местного населения, в особенности крестьянского» [3. Л. 26].

Кроме вышеперечисленных, авторы записки указывали и на экономические проблемы. Госплан, «исходя из целого ряда соображений, подчас бюрократического порядка, постановил, что центр этой области должен быть в Смоленске, хотя и в Госплане подчеркивали, что Минск, как центр области, имеет целый ряд преимуществ». Белорусские коммунисты горячо возражали против такого решения: «оно [...] фактически ликвидировало бы Белоруссию». Изложив все эти соображения, авторы докладной записки потребовали «срочной постановки вопроса о Белоруссии, о целесообразности ее существования, ибо при настоящих своих границах она не может служить достаточно притягательным центром для закордонной Белоруссии, ибо все положительное парализуется теми дефектами, которые имеют место в Витебской и Гомельской губерниях. Все эти дефекты очень умело используются националистической мелкобуржуазной интеллигенцией за кордоном в борьбе против стремления крестьянства к Советской власти (так, было очень сильно использовано постановление Госплана о

создании центра Западной области не в Минске, а в Смоленске и целый ряд других фактов)» [3. Л. 26].

Центральные ведомства, однако, придерживались иного мнения по поводу озвученных КП(б)Б проблем. 9 июня 1923 г. Наркомнац передал в НКВД записку о национальном составе прилегающих к БССР губерний. Его данные существенно отличались от статистики КП(б)Б, представленной А. Червяковым. Так, согласно переписи 1920 г., в Гомельской губернии белорусы составляли 34% населения, русские 54%, украинцы 4,5%, в Витебской же губернии насчитывалось 57,5% белорусов и 32,5% русских [3. Л. 41].

Кроме того, данные, противоречащие выводам ЦБ КП(б)Б, представило ГПУ Белоруссии. По его мнению, белорусизация органов власти и культуры, проводившаяся в 1920-е годы, не имела успеха из-за противодействия самого населения: «...На территории Советской Белоруссии национального движения в какой-либо форме не наблюдается. Проводимая Наркомпросом белорусизация школы встречает оппозицию среди крестьян, которые смотрят на дело практически, предполагая, что их дети [чтобы] “выйти в люди”, должны обучаться на русском языке. О белорусизации отзываются как о методе Сов. Правительства для более легкого выкачивания налогов»² [3. Л. 58]. Также, по данным ГПУ БССР, почти не вызывали интереса белорусскоязычные печатные издания [3. Л. 59].

Кроме заинтересованных ведомств БССР и союзных, свое мнение по вопросу укрупнения БССР высказали и представители Коммунистической рабочей партии Польши (КПРП). Они отметили, что «всякий факт, указывающий на то, что Россия не только не притесняет нац. меньшинства, но, напротив, благоприятствует их экономическому и культурному развитию, — не только увеличивает тяготение притесняемых Польшей пограничных народов к России, но также необычайно высоко поднимает коммунизм в глазах рабочих и польской интеллигенции, указывая им, что только рабочая власть способна разрешить национальный вопрос» [3. Л. 60]. Однако расширение территории БССР автор записки не относил к действительным нуждам белорусов, а расценивал как стремление, аналогичное амбициям националистической интеллигенции создать «“Великую Белоруссию”, включающую в себя смешанные области от Белостока и Вильно до Смоленска и Гомеля [...] перенесение границы на 100 верст восточнее, с точки зрения нашей агитации в Польше, не имеет большого значения. В Польше укоренилась легенда, что всякие республики: автономные, федерированные и др. области в СССР, являются фикцией; что никакой автономии на самом деле нет, что Москва поддиктаторски правит всем. На это широко распространенное убеждение не будет иметь влияния правительственный акт о границах Белоруссии. В то же время, известие о каждой хорошей перемене истинного положения широких народных масс в области экономической и культурной проникает в Польшу, несмотря на кордон и ложь прессы, и действует соответствующим образом» [3. Л. 62]. В принципе КПРП не возражала против присоединения к БССР бесспорно белорусских по составу населения соседних с республикой уездов.

²Материалы ГПУ Белоруссии от 3 июля 1923 г.

Но несколько уездов Витебской и Гомельской губерний, на которые Советская Белоруссия также претендовала и где белорусы, даже по статистике ЦБ КП(б)Б (которую поляки прямо называли сомнительной [3. Л. 62]), не имели большинства, польские коммунисты присоединять не сочли нужным.

Таким образом, в начале 1923 г. одновременно по линии полпредства СССР в Литве, полпредства СССР в Польше, руководства БССР и ГПУ поступил ряд обращений в ЦК и руководство СССР, в которых предлагалось: увеличить территорию БССР за счет передачи ей входивших в состав РСФСР Гомельской, Витебской и части Смоленской губерний и пропорционально расширить представительство увеличенной республики в ВЦИК СССР; провести амнистию деятелей белорусского движения, которые до сих пор числились во врагах Советской России, хотя на самом деле уже изменили свое отношение к ней и активно сотрудничали с ее представителями, и разрешить им въезд в БССР в качестве частных лиц; увеличить использование белорусского языка в государственных учреждениях и в школах в местах компактного проживания белорусского населения.

Белорусский вопрос в польской политике НКВД СССР в первой половине 1923 г. разделился на две части: собственно, вопрос об укрупнении БССР и вопрос привлечения на свою сторону как белорусских депутатов сейма, так и нелегальной оппозиции. Второй вопрос был признан более актуальным: решение об амнистии для членов белорусских националистических группировок, не запятнавших себя сотрудничеством с С. Булак-Балаховичем и прочими антисоветскими проектами польской дефензивы, было официально принято уже в июле 1923 г.

Вопрос о территориальных изменениях вызвал споры, тем не менее, возобладали позиция руководства БССР. 23 ноября 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о включении в состав БССР Витебской губернии полностью и Гомельской губернии за исключением четырех уездов, до революции входивших в Черниговскую губернию [5. С. 481]. Однако через месяц ЦК изменил решение, значительно урезав список возвращаемых земель. Невельский, Себежский, Велижский уезды Витебской губ., Гомельский и Речицкий уезды Гомельской губ. и большую часть Мстиславского уезда Смоленской губ. решено было оставить в РСФСР. Белорусское руководство, тем не менее, продолжало настаивать на передаче всех указанных им территорий. БССР были переданы восемь уездов Витебской, шесть уездов Гомельской и один уезд Смоленской губерний. Это решение было законодательно оформлено в два этапа: постановлением Президиума ЦИК РСФСР от 4 февраля 1924 г. «О передаче Белоруссии районов с преимущественно белорусским населением» и резолюцией VI Всебелорусского чрезвычайного съезда Советов БССР от 13 марта 1924 г. [5. С. 484].

Укрупнение БССР вызвало большой резонанс в Польше. Рост просоветских настроений выразился, в частности, в создании и стремительном росте популярности такой партии, как Белорусская рабоче-селянская громада. Польская пресса констатировала, что в белорусском вопросе советская политика оказалась значительно успешнее польской. Запретив националистические партии, СССР дал взамен широкую возможность культурной работы и просвещения белорусского населения [4. С. 335]. Выступая

перед представителями белорусской эмиграции в Праге, один из лидеров белорусского движения в Польше и депутат польского сейма Б. Тарашкевич отметил, что большинство белорусских депутатов польского сейма склоняются к социальной революции как методу решения белорусского вопроса в Польше, массы в большинстве своем настроены большевистски [4. С. 336]. Таким образом, одна из целей, которую преследовало укрупнение БССР, была достигнута: симпатии западнобелорусского населения были на стороне Советской России. Однако тот факт, что часть этнических белорусских земель (Гомельский и Речицкий уезды) осталась в составе РСФСР, ослаблял пропагандистский эффект укрупнения БССР. Поэтому, хотя и не сразу, белорусскому руководству удалось поднять вопрос о присоединении обеих территорий.

6 декабря 1926 г. РСФСР передала БССР Гомельский и Речицкий уезды, снова, по мнению белорусских историков, руководствуясь главным образом политическими мотивами: то, что эти уезды оставались в составе РСФСР, вызывало острую критику за рубежом [5. С. 494]. Среди населения самого региона не было четкого мнения о желательности присоединения, тем не менее, по итогам работы специальной комиссии, был сделан вывод об их белорусском этническом составе [5. С. 492]. Сочетание международного фактора, данных опросов и настойчивости властей Советской Белоруссии заставили завершить начатый в 1924 г. процесс объединения практически всех этнических белорусских земель в составе БССР.

Таким образом, можно констатировать, что решение о расширении БССР было продиктовано во многом внешнеполитическими причинами, а вопрос об отношении населения присоединяемых областей к белорусскому языку и самому этому присоединению оставался по большому счету второстепенным. Главный же эффект — признание советской национальной политики наиболее отвечающей интересам белорусов и, тем самым, дискредитация польских властей в глазах белорусского меньшинства в Польше — был достигнут. Кроме того, была практически полностью устранена, правда, и так небольшая угроза со стороны белорусских националистов, которые потенциально могли расшатать ситуацию в БССР. Более того, многие из них переехали в Минск либо стали фактическими проводниками советской политики в Польше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Коршук В., Платонов Р. и др.* Государственность Беларуси: проблемы формирования в программах политических партий. Минск, 1999.
2. Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 3.
3. Архив внешней политики РФ. Ф. 04. Оп. 50. П. 315. Д. 54750.
4. *Шевченко К.В.* Территориальное укрупнение БССР в 1924 г. в польском общественном мнении // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы взаимодействия в контексте единого социокультурного пространства — история и перспективы: Материалы Международной научной конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 17–18 октября 2013 г.). Брянск, 2013.
5. *Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст.* У 2 кн. Кн. 1. Мінск, 2011.
6. *Латышонак А., Мірановіч Я.* Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII да пачатку XXI ст. Вільня; Беласток, 2010.